

— Прощай, Ленокъ! — обратился къ ней Діодоръ. — Не тоскуй, я скоро опять къ тебѣ вернусь... Чтѣ бы я ни надумалъ, — я приду къ тебѣ проститься... Куда же мнѣ больше? Ты у меня одна... одна... Ты меня... благословишь...

Рыдая, дѣвочка обвила своими холодными рученками дядину шею и сквозь слезы не переставала лепетать: „дядя Додя, возьми меня съ собой“... Діодоръ плакалъ вмѣстѣ съ нею пьяными слезами. Насилу его усадили въ сани. Но Ленокъ все еще цѣплялась за него, пока, наконецъ, не гикнулъ лихой ямщикъ, приподнявшись на облучкѣ: „ой, вы, соколики!“

Рыная тройка рванулась впередъ, колокольчикъ вздрогнулъ, снѣжная пыль взвилась изъ-подъ копытъ. Лена упала въ снѣгъ, захлебываясь слезами. Когда она поднялась и взглянула на дорогу, то сквозь туманъ слезъ, застилавшій ей глаза, увидѣла только бѣлое облако, крутившееся по селу.

Лена опять осталась одна.

„Теперь уже все кончено для меня, — писала Ленокъ въ своемъ дневникѣ, спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда дяди. — Вѣрно, никогда не вырвусь я изъ этой тюрьмы. Впрочемъ, мнѣ теперь все равно; всегда, должно быть, такъ бываетъ, когда нечего ждать. Прежде я боялась умереть; бывало, услышишь похоронные перезвоны, и сердце какъ-то замретъ, когда подумаешь, что когда-нибудь и надъ тобою звонить также будутъ, а ты уже ничего не услышишь. А теперь я желала бы умереть. На томъ свѣтѣ все-таки что-нибудь новое будетъ, а здѣсь уже все извѣстно, переизвѣстно. Встанешь утромъ, — бабушка гремитъ посудой, Агаѣя самоваръ песеть; за чаемъ идетъ разговоръ о томъ, чтѣ готовить на обѣдъ. Послѣ чая садишься за пяльцы и вышиваешь, а зачѣмъ и кому это нужно, неизвѣстно... А тамъ обѣдъ: папаша ворчитъ и бранится, что супъ перепрѣлъ и говядина не дожарена; послѣ обѣда всѣ ложатся спать, а я опять сажусь вышивать. А тамъ опять чай, опять ужинъ, — только ѣда и ѣла, разговоры объ ѣдѣ, сонъ, — ничего больше. Бабушка говоритъ: „всѣ такъ живутъ“, — но, по моему, жить такъ не стоитъ. Да и неправду бабушка говоритъ: — не всѣ... Пишутъ же въ енижкѣ совсѣмъ другое, да вонъ и дядя — развѣ онъ такъ живетъ, какъ мы? Значить, есть на свѣтѣ другая жизнь, не похожая на нашу. Дядя хотя и говорилъ мнѣ, что несчастливъ былъ, однако же онъ не остался здѣсь, гдѣ все такъ тихо, спокойно, никто не жалуется, бабушка даже гово-